

УДК 316.334.52
316.752

ВАЛЕНТИН НЕМИРОВСКИЙ,

доктор социологических наук, профессор,
заведующий Отделением социологии и об-
щественных связей Института педагоги-
ки, психологии, социологии Сибирского фе-
дерального университета

**Переход от антиутопии к утопии в контексте
модернизационных процессов в России
(на материалах социологических исследований
в Красноярском крае)¹**

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу процессов перехода от нелиберальной антиутопии в России к новой, пока четко не проявленной утопии. Методологической основой статьи выступает постнеклассический методологический принцип минимального универсума. Эмпирической базой работы являются социологические исследования, проведенные сотрудниками кафедры социологии Сибирского федерального университета в Красноярском крае. Утопия рассматривается как социокультурный феномен. Выдвигается положение, что состояние социокультурной системы в России, понимаемое как антиутопия, является серьезным тормозом на пути модернизации страны. С привлечением общероссийских данных показаны возможные черты новой утопии, постепенно институционализирующейся в современной России. Делается вывод, что она может обладать такими характеристиками, как борьба за установление социальной справедливости в обществе и духовное возрождение России, и имеет при этом черты рабовладельческой и феодальной социально-утопической моделей. В социально-политической сфере общества это может выражаться в активной поддержке авторитарной формы правления.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта “Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)” (проект № 13-03-00379).

Ключевые слова: модернизация, социальная утопия, социальная антиутопия, социокультурные процессы, Красноярский регион, методологический принцип минимального универсума, постнеклассическая социология

Вступление

Исследования многих отечественных авторов показывают картину социокультурных процессов, в том числе — ценностных ориентаций россиян, не характерную для эффективно модернизирующегося общества [Горшков, 2010; Россия XXI века, 2010; Тихонова, 2011: с. 125; Магун, Руднев, 2011: с. 245; и др.]. Вместе с тем представляется, что дело не только в приверженности значительной части жителей России архаическим или традиционным ценностным моделям, неадекватности некоторых социальных институтов или их дисфункциях, а также “ресурсном проклятии” нашей страны — хотя все это, безусловно, имеет место. На наш взгляд, важным фактором модернизации является циклически повторяющееся состояние социокультурной системы, которое выступает тормозом для модернизационных процессов в российском социуме, а именно — антиутопия.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть происходящие в современной России процессы (на эмпирических материалах одного из крупнейших ее регионов — Красноярского края) сквозь призму дихотомии: *утопия — антиутопия*.

Методика исследования

Эмпирической базой данной статьи являются исследования, осуществленные под руководством автора социологами Сибирского федерального университета в рамках Программы “Социокультурная эволюция России и ее регионов”), созданной сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель — д-р филос. наук, чл.-корр. РАН Н.И.Лапин). Нами были сформулированы дополнительные индикаторы, а также соответствующий инструментарий исследования для изучения социокультурных и модернизационных процессов в Красноярском крае. При этом сочетались количественные и качественные методы сбора и анализа данных.

Опрос населения был осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов в 28 населенных пунктах Красноярского края, по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Выборка репрезентативная для взрослого населения Красноярского края по типам населенных пунктов (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуре. Объем выборки в 2012 году составил 1300 человек. Кроме того, был проведен экспертный опрос: в 2012-м в Красноярском крае методом формализованного полуструктурированного интервью было опрошено 220 экспертов. Выборочная совокупность исследования населения с помощью глубинного интервью в 2012 году была рассчитана исходя из половозрастной, территориальной структуры региона, а также с учетом уровня образования респондентов, тем

самым выборочная совокупность репрезентирует население Красноярского края. Она составила 192 человека, проживающих в 22 населенных пунктах на территории Красноярского края¹. В 2013-м было проведено 100 глубинных полуструктурированных интервью с жителями г. Красноярска; выборочная совокупность репрезентирована в соответствии с половозрастной и образовательной структурой населения города.

Утопия и антиутопия как социальные феномены в постсоветской России

Социологический анализ различных аспектов утопий традиционно является классической темой многих социологических произведений. В частности, свой вклад в разработку этих вопросов внесли М.Вебер, М.Мид, К.Поппер, О.Тоффлер, Х.Ортега-и-Гассет, Э.Фромм, Ф.Фукуяма и др. Карл Мангейм в своей фундаментальной работе “Идеология и утопия” выделяет следующие четыре формы утопического сознания: первая — оргиастический хилиазм анабаптистов; вторая — либерально-гуманистическая идея; третья — консервативная идея; четвертая — социалистическо-коммунистическая утопия [Mannheim, 1936]. Каждой из форм подобного сознания соответствуют утопические построения и модели, ряд из которых был институционализирован в социальной реальности.

В социологической науке существуют различные классификации утопий [Грицанов, 2003: с. 1147–1148]. Дальнейшее развитие современной ситуации в России также нередко рассматривается в жанре социально-политических и литературных утопий [Мартынов, Фишман, 2010: с. 121–173].

На наш взгляд, переход социума от утопии к антиутопии и последующая институционализация в нем новой утопии выражают квинтэссенцию социокультурных аспектов модернизации. Если общий смысл утопий состоит в том, что описываются принципы построения и функционирования некоего идеального общества, то антиутопии выражают нежелательное — неприемлемый для значительной части населения социума способ его устройства. Вместе с тем следует учитывать, что на первых этапах своей институционализации антиутопия может охватывать различные слои населения, как элиту, так и массы, находя всюду многочисленных сторонников. Так было, например, в период внедрения у нас в стране неолиберальной антиутопии в 1990-е годы.

Специфику различных утопий и антиутопий выражает их ценностное содержание. Для характеристики систем ценностей, преобладающих в каждой из них, обратимся к концепции Э.Фромма, который выделяет “ориентацию на Бытие” и “ориентацию на Обладание” [Фромм, 2000].

“Различие между бытием и обладанием, — поясняет Э.Фромм, — касается типов общества: одно ориентировано на человека, другое — на вещи. Ориентация на обладание — характерная особенность западного индустриального общества, в котором главный смысл жизни состоит в погоне за деньгами, славой, властью” [Фромм, 2000]. Если в утопиях доминируют ценности

¹ В 2012 году исследования проводились при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта “Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае” № 11-03-00250.

модуса Бытия в терминах Э. Фромма, то в антиутопиях ценностным каркасом массового сознания выступают ориентации на Обладание.

Подобное ценностно-смысловое содержание определяет и картину мира в массовом сознании, и образ желаемого будущего населения, и специфику социальных институтов и процессов, социальной структуры общества, где реализуются утопия или ее антипод — антиутопия. Соответственно, социум, в котором реализована утопия, активно развивается (в том числе модернизируется); социум, несущий на себе печать антиутопии, подвержен стагнации и склонен к деструктивным процессам.

Как, безусловно, верно подметил еще П.Сорокин, “люди с трансцендентальной системой ценностей и глубоким чувством нравственного долга обладают ценностями, которых не может у них отнять ни один человек и ни одна катастрофа. При всех обстоятельствах они сохраняют ясность ума, чувство человеческого достоинства, самоуважение... Имея эти качества, они могут вынести любое испытание, каким бы суровым оно ни было” [Сорокин, 1993: с. 58]. Поэтому “избавление” населения той или иной страны в процессе институционализации антиутопии от так называемых “консервативных” ценностей далеко не всегда приводит к технико-экономической или социокультурной модернизации страны. Более того, распространение ценностей модуса Обладания (власть, богатство, престиж, гедонизм и т.п.) приводит к неустойчивости, нестабильности любого социума. Ярким примером этого служит современная ситуация во многих развитых странах, которые, как считается, в свое время успешно прошли первичную модернизацию и, избавившись от консервативных ценностей, находятся в настоящее время на стадии завершения вторичной модернизации, то есть окончания “построения” информационного общества.

Безусловно, это непосредственно касается и транзитивных периодов, наподобие того, в котором уже два десятилетия находится наша страна. Я солидарен с высказыванием, согласно которому “утопия нашего времени означает право всякого человека выходить за пределы настоящего, совершенствоваться и конструктивно влиять на окружающий мир. Такая утопия доступна для всех. Она становится долгом всех жителей планеты, а в особенности тех, кому посчастливилось родиться и вырасти в благополучной среде. Она обязывает действовать, проецировать себя в будущее, ломать рамки сложившегося порядка вещей, изо дня в день улучшать собственную жизнь и помогать другим улучшить свою. Утопия нашего времени не имеет ничего общего с обещаниями создать рай на земле. Она не имеет ничего общего и с отрицанием прошлого” [Майор, 1999: с. 11].

На основании всего сказанного вполне уместным представляется вывод: “Таким образом, можно без преувеличения утверждать, что утопия составляет суть любой социальной теории”, который сделал более 50 лет назад Ж.Дюво [Duvaud, 1961]. Можно даже говорить о “религиозной функции утопии”, хотя ее исходные образы и архетипы трансформируются в процессе развития социологии и политологии. Вместе с тем утопическая функция всегда остается категорией сознания и как таковая ориентирует человека на поиски элементов, отсутствующих в настоящем” [Аинса, 1999: с. 62]. Тем самым инициируются процессы индивидуальной и социальной трансформации.

Поэтому трудно не согласиться с мнением В.С.Мартыанова и Л.Г.Фишмана, что историю движут общественные идеалы, выраженные в утопиях. Со-

ответственно, “исчезновение утопии создаст статичную вещьность, в которой человек и сам превратится в вещь” [Мартьянов, Фишман, 2010: с. 255].

По-новому взглянуть на роль социальных утопий в общественных изменениях позволяет постнеклассический универсумный подход [Немировский, 2009: с. 176–190]. Так, в соответствии с принципом минимального универсума (и принципом дополнительности Н.Бора как его частным случаем) любая утопия представляет собой биполярную систему, в которой можно выделить два элемента: собственно утопию и антиутопию (вспомним древнекитайскую дихотомию ян и инь).

Фактически любая социальная утопия является ярким, завлекательным миражом, волшебным покрывалом, под которым таится, зачастую в зачаточном состоянии, ее неприглядный, но неизбежный антипод — антиутопия. С точки зрения методологического принципа минимального универсума собственно утопия выполняет функцию развития утопической системы, ее распространения среди все большего числа сторонников, приспособления утопических идеалов к конкретным традициям того или иного социума, менталитету и социальным ожиданиям его представителей. Антиутопия выполняет функцию “укоренения” утопической системы в конкретном социуме, когда наступило массовое разочарование в утопических ценностях и идеалах, приносит им на смену иные ценности и нормы, не меняя сути самой утопической системы в целом; массовое сознание социума и методы действия его руководителей так и остаются утопическими. Поэтому весь социально-исторический процесс можно рассматривать как смену борющихся между собой социальных утопий-антиутопий, за которыми стоят специфические социальные институты, например определенные тайные организации [Немировский, 2007: с. 128].

В этой связи я поддерживаю характеристику особенностей социальных утопий и социальных антиутопий, которую дает в своей работе В.Штепа. По его мнению, если утопия основана на позитивном стремлении к прямому воплощению своего трансцендентного идеала, то антиутопия сосредоточивается на негативе — борьбе со всевозможными “врагами” и “ересями”, чем постоянно отодвигает “светлое будущее” за недостижимый горизонт, а по сути предает и обесмысливает его [Штепа, 2004: с. 37–38].

Важно отметить, что “точкой водораздела” между утопией и антиутопией является момент достижения утопистами власти. Как только власть обретена, утопия отступает на задний план, являясь частью официальной идеологии. На первый план выходит антиутопия. Так, христианство было социальной утопией, но, придя к власти, стало антиутопией. Обретя статус официальной религии, западное христианство лишилось своего утопизма и приобрело статус антиутопии, полнее всего выразившийся в деятельности “святой” инквизиции [Немировский, 2007: с. 65].

В российском обществе с начала 1990-х годов была институционализована *либерально-демократическая утопия*¹. В 1996–1998 годах сосуществовали в относительно, весьма противоречивом и неустойчивом равновесии *либерально-демократическая утопия и неолиберальная антиутопия*.

¹ Основные характеристики неолиберальной антиутопии, реализованной в России в соответствии с методологической моделью минимального универсума, рассматривались автором [Немировский, 2009: с. 11–113].

Победа антиутопии ознаменовалась *дефолтом*, который произошел в *августе 1998* года, когда российское государство отказалось отвечать по своим финансовым обязательствам. В результате множество людей, поверивших в идеалы либерально-демократической утопии, разорились. В течение нескольких недель произошел скачок из утопии с ее радужными надеждами на экономическое процветание и прогресс демократии в антиутопию с мрачными перспективами развития “по-латиноамерикански”, когда в стране на фоне бедности и коррупции процветают узкие слои буржуазии и государственных чиновников.

Достаточно сильными в массовом сознании населения всей страны являются ориентации на “*обладание*”. Так, согласно данным ВЦИОМ, на вопрос “Чего бы Вы хотели добиться в собственной жизни?” 91% респондентов, опрошенных в России в марте 2012 года, ответили “иметь надежных друзей”, 90% — “честно прожить свою жизнь”, 86% — “иметь интересную работу”. С другой стороны, при этом 76% опрошенных хотели бы “иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие”, 54% — “сделать карьеру”, 52% — “стать богатым человеком” (ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 1973). Как сочетаются столь противоречивые стремления у одного и того же респондента и какое из них “победит” в случае неизбежного конфликта ценностей, нетрудно догадаться.

К 2011–2012 годам в массовом сознании/бессознательном населения страны произошли серьезные изменения, выразившиеся в некотором нарастании нечетко вербализированных протестных настроений, которые в ряде случаев проявлялись в отдельных протестных действиях. Тем самым мы наблюдаем процесс завершения существования нелиберальной антиутопии в России и перехода к новой утопии. Четко она себя пока не выразила, однако уже сейчас ясно, что для реализации данной утопии активно используются информационные технологии — атрибут информационного общества. Можно предположить, что утопия, приходящая в России на смену нелиберальной антиутопии, будет отражать потребности развития информационного общества, нести в себе его определенные черты. Хотя, вероятно, это будет не главной ее особенностью.

Исследования, проведенные ИС РАН в 2010 году, показали, что среди ответов на вопрос: “Какая идея должна стать ключевой для модернизации России?” на первые места вышли варианты “равенство всех перед законом, соблюдение гарантированных Конституцией прав человека” (41%), “жесткая борьба с коррупцией” (38%), “обеспечение социальной справедливости” (31%). В результате нельзя не согласиться с мнением Н.Е. Тихоновой, что “социальная модернизация в России не просто не завершена — в последние десятилетия она фактически застопорилась” [Тихонова, 2011: с. 124–125]. Иными словами, все это в значительной мере объединяется идеей достижения справедливости, построения справедливого для всех общественного порядка; очевидно, это может стать одним из ключевых элементов будущей утопии.

На мой взгляд, можно с уверенностью предположить, что названные выше социальные требования и ожидания, представления о будущем с большой долей вероятности найдут свое место среди основных характеристик новой зарождающейся в нашей стране утопии. Для более подробного анализа современной модернизации в России далее будут использованы материалы, полученные в результате исследований в Красноярском крае.

Некоторые характеристики социально-утопического сознания населения Красноярского края

Наши исследования показывают, что у населения региона с начала до середины 2000-х годов произошло усиление ориентаций на установление авторитарного управления в стране, а также на национально-государственный путь ее развития. Несколько усилилась и социалистическая ностальгия при существенном разочаровании в рыночно-демократических преобразованиях [Немировский, Невирко, 2007: с. 235].

Одновременно в массовом бессознательном населения происходила постепенная поляризация, с одной стороны, сторонников национально-государственного пути развития, с другой — авторитарно-коммунистического. И все же коммунистическая идеология для многих респондентов, особенно старших возрастных групп и низкого социального статуса, в 2001-м оставалась важной точкой отсчета на шкале политических предпочтений. Однако, согласно результатам факторного анализа, уже в 2005 году в массовом бессознательном населения сформировался единый авторитарно-государственный синдром, не связанный с коммунистической идеологией.

Либерально-демократическая социально-утопическая модель, в значительной мере реализовавшаяся в ориентациях на рыночно-демократические преобразования, изначально присутствовала в массовом сознании только на вербальном уровне. Иными словами, в виде неустойчивых социальных представлений, сформировавшихся, главным образом, за счет влияния соответствующих СМИ.

Напротив, в начале XXI века в массовом сознании начался процесс актуализации феодальной и рабовладельческой социально-утопических моделей, причем при доминировании неолиберальной антиутопии. Подобный симбиоз стремления к развитию национального государства по “особому пути” и массовой надежды на власть “сильной руки”, как показывает мировая практика, может привести к установлению в стране жесткого авторитарного режима. Не случайно, по данным некоторых исследований, распространенность либеральных ценностей с 1995 по 2005 год снизилась в 2,5 раза — с 25% до 10% [Подберезкин, Коровников, 2003: с. 50–58]. Подобная точка зрения подтверждается и результатами исследований, проведенных в форме глубинного полуструктурированного интервью среди 100 жителей г. Красноярска в 2013 году. По мнению опрошенных, в той или иной мере (в полной мере + в значительной мере + лишь частично) преобладают следующие черты и характеристики:

- *информационного, посткапиталистического* общества на предприятии, где они работают, — 54%, в регионе — 73%, в Сибири в целом — 73%, в России в целом — 84%;
- *индустриального, капиталистического* — соответственно 44%, 86%, 86%, 81%;
- *доиндустриального, феодального* — 14%, 29%, 33%, 37%;
- *рабовладельческого* — 19%, 20%, 22%, 22%.

Как видим, на уровне массового сознания выявилась тенденция представлять различные уровни социального пространства России в качестве симбиоза индустриального, капиталистического и информационного, посткапиталистического общества. Характерно, что около трети опрошенных

видят в крае, Сибири и России в целом преобладание черт доиндустриального, феодального общества, а примерно каждый пятый из них отметил черты рабовладельческого строя.

Между тем факторный анализ ответов респондентов на данный вопрос показал, что наиболее высокой описательной силой обладает латентная переменная, выражающая представления, в соответствии с которыми во всех выделенных нами “кругах” социального пространства преобладают характеристики *рабовладения*, а на предприятии, где работает респондент, — также и *феодализма*:

- Ф-1 описывается признаками: рабовладение в регионе (0,923), рабовладение в Сибири (0,914), рабовладение в России (0,896), феодализм на предприятии (0,722), рабовладение в организации (0,367). Описательная сила фактора — 32,75%.
- Ф-2 характеризуется как посткапитализм в регионе (0,934), посткапитализм в Сибири (0,931), посткапитализм в России (0,870) — 15,49%.
- Ф-3 выражает представления о феодализме в регионе (0,805), феодализме в Сибири (0,885), феодализме в России (0,901) — 14,14%.
- Ф-4 — капитализм в регионе (0,877), капитализм в Сибири (0,924), капитализм в России (0,775) — 10,27%.
- Ф-5 — посткапитализм на предприятии (0,489), капитализм на предприятии (0,765) — 6,54%.

Таким образом, на вербальном уровне респонденты высказывают внушенные им, главным образом, через СМИ и систему образования, представления об окружающей их капиталистической и посткапиталистической действительности. Им противоречат характеристики, существующие в массовом бессознательном опрошенных, многие из которых ощущают себя живущими в рабовладельческом обществе и работающими, зачастую как на рабовладельца, так и на феодала. Эти результаты непосредственно соотносятся с резко негативной оценкой российского общества, полученной нами в результате формализованного интервью 1300 человек в Красноярском крае по репрезентативной выборке в 2005 году [Немировский, 2009: с. 10–15], а также с данными исследования методом ассоциативного эксперимента, проведенного в регионе в 2012 году среди 1300 человек [Немировский, 2012: с. 134–140].

Отсюда напрашивается вывод, что нарождающаяся в стране утопия может нести в себе черты феодально-рабовладельческой утопической модели. В современных условиях это может институционализироваться в форме элементов авторитарной политической системы.

При этом важной характеристикой институционализированной в стране антиутопии продолжает оставаться резкое противоречие между представителями управленческого аппарата на любых уровнях и рядовыми работниками. В частности, данные по результатам глубинного интервью, проведенного нами в 2013 году, мало отличаются от результатов массового опроса населения региона в 2001-м методом формализованного интервью среди 960 работающих жителей края по репрезентативной выборке [Немировский, 2002: с. 36]. В той или иной мере согласны с суждениями:

- *Все “начальники” заботятся в первую очередь о собственном благополучии* (полностью согласен: 2001 — 56%, 2013 — 42%; частично согласен: 2001 — 39%, 2013 — 46%), всего, соответственно, 95% и 86% респондентов;

— Большинство рядовых работников трудятся в силу необходимости, не задумываясь об интересах предприятия (полностью согласен: 2001 — 37%, 2013 — 47%; частично согласен: 2001 — 56%, 2013 — 37%), в целом, соответственно, 93% и 84% опрошенных.

Таким образом, важной характеристикой существующей в стране антиутопии является антагонизм между “элитой” и “массами”, как минимум, на региональном уровне.

За последние два года несколько изменилось распределение ответов экспертов на вопрос “Какая политическая система соответствует российской специфике?": если в 2010-м 16% экспертов считали наиболее адекватной для нашей страны системой *демократию западного типа*, то в 2012-м их доля возросла до 21%. Вместе с тем несколько уменьшилась доля упоминаний *авторитарного режима* (соответственно, 37% и 34%). Доли сторонников *системы советского типа* и *общественного самоуправления* остались прежними: 11% — 12% опрошенных.

Иная картина выявилась при анализе мнений жителей Красноярского края, полученных в ходе глубинных интервью (рис. 1). Каждый третий из них ориентируется на *демократию западного типа*, каждый пятый — на *авторитарный режим*. Также они значительно реже, чем эксперты, высказывают мнение, что система *советского типа* и *общественное самоуправление* соответствует российской специфике.

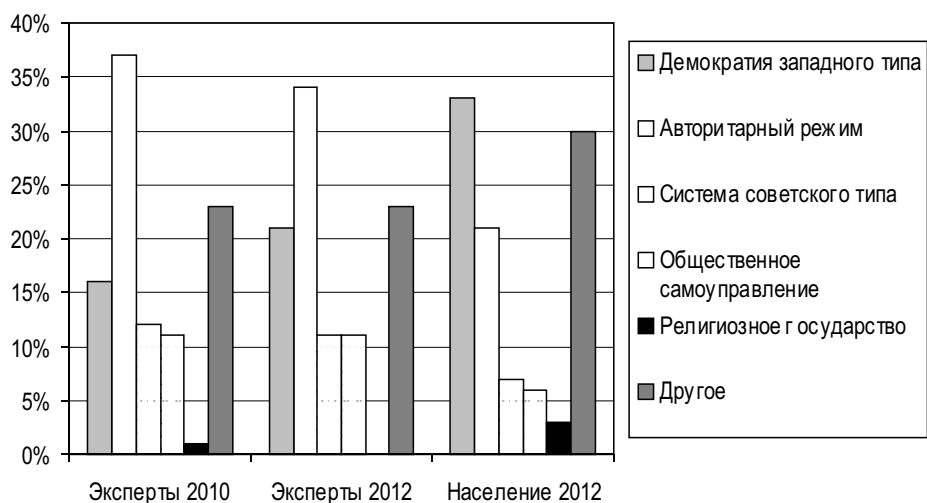

Рис. 1. Распределение ответов экспертов и населения на вопрос: “Какая политическая система соответствует российской специфике?”

Следует подчеркнуть, что данный вопрос носил полузакрытый характер. Поэтому приведенные выше данные отражают, как правило, четкие, устоявшиеся представления респондентов. Тем не менее почти четверть опрошенных экспертов в 2010–2012 годах и немногим менее трети представителей населения региона, участвовавших в формализованных интервью в 2012-м, дали более пространственные ответы, не всегда, по их мнению, полностью соответствующие предложенным вариантам.

Согласно результатам контент-анализа “свободных” ответов, за два года в массовом сознании экспертов резко “упал спрос” на различные варианты авторитаризма или монархии. В то же время значительно увеличилась доля ответов, в которых говорится *о демократии с российской спецификой, то есть демократии с авторитарными элементами, под которыми большинство опрошенных понимают элементарное наведение порядка в государстве, борьбу с преступностью, прежде всего с коррупцией, установление социальной справедливости. Очевидно, в этом и проявляются отдельные черты нарождающейся утопии.*

Весьма похожие ответы дали на открытую часть вопроса и респонденты — жители Красноярского края, опрошенные методом глубинного интервью. Политическая система, которая наиболее соответствует российской специфике, по мнению большинства из них, — “авторитарная демократия”, или “демократическое общество, только не западного типа”. Важно отметить, что, с одной стороны, ряд ответов явно свидетельствует об отрицании фашизма и национализма как политической основы российского государства. С другой стороны, никто из респондентов в открытом опросе не обозначил религиозное государство, как и не употребил понятие “гражданское общество”.

Важным показателем замены в массовом сознании/бессознательном населения России антиутопии на новую утопию является динамика ответов экспертов на вопрос: “Какая идея могла бы интегрировать российское общество?” в 2010–2012 годах. Аналогичный вывод можно сделать и относительно данных, полученных нами в результате глубинного интервью жителей Красноярского края, осуществленного в 2012 году. Как показано на рисунке 2, для экспертов крайне непривлекательными остаются как идеи коммунизма (соответственно, 3% в 2010 и 4% в 2012), так и религиозная идея (2% в 2010 и ровно столько же в 2012). Однако нельзя не отметить, что существенно возросла значимость идеи духовного возрождения России (с 39% до 47%) и, особенно, идеи русской национальной самобытности (с 11% до 21%). На первый взгляд такое сочетание представляется странным, поскольку традиционно считается, что в основе русской национальной самобытности лежит Православие. Пока же отметим, что достаточно привлекательной остается идея социализма — примерно каждый десятый эксперт выделил ее как потенциальный интегратор российского общества. Очень близкие данные получены нами и в результате глубинного интервьюирования респондентов в крае посредством их ответов на аналогичный полужакрытый вопрос.

Сравним результаты контент-анализа ответов экспертов на открытый вопрос, полученные в 2010 и в 2012 годах. В 2010-м можно выделить две большие группы высказываний. С одной стороны, часть экспертов пессимистически полагали, что “в данный момент ее [интеграционной идеи] нет”. Другая группа экспертов выдвигала идею национальной самобытности России, а также соблюдения законов и прав человека: “идея духовного возрождения России и идея русской национальной самобытности”, “идеи социальной справедливости”, “идея нравственного и социально-экономического возрождения страны”, “идея конвергенции социализма и капитализма, но облеченная в приемлемую для русского уха форму”, “идея национального самосознания”, “вера в собственные силы и наличие реальных возможностей изменить жизнь к лучшему — что-то вроде американской мечты”, “идея сбережения человека как самой большой ценности в России”, “идея равных возможностей и

единых законов для всех без исключения”, “идея личной свободы”, “построение правового государства европейского типа” и т.д.

В свободных высказываниях экспертов в 2012 году преобладали две тенденции: *строгое соблюдение законности и справедливости*, а также *развитие духовности и нравственности в рамках многонациональной самобытности России*. Иными словами, за два года из ответов экспертов практически “исчезла” тенденция говорить об отсутствии потенциально сплывающей страну национальной идеи; ее место заняло требование строгого соблюдения законности и социальной справедливости. Возможно, эти идеи и смогут стать в будущем элементами формирующейся утопии. Как считают В.С.Мартьянов и Л.Г.Фишман, “идея справедливости в условиях распада общества — это мечта о новом обществе. Справедливость связана с преодолением распада либерального консенсуса и торжества множества частных границ. Дефицит холлизма преодолевается воссозданием общества. Для этого нужна новая трансценденция, интегрирующая реальное общество: Бог, история, прогресс, экология, техника, будущее...” [Мартьянов, Фишман, 2010: с. 203].

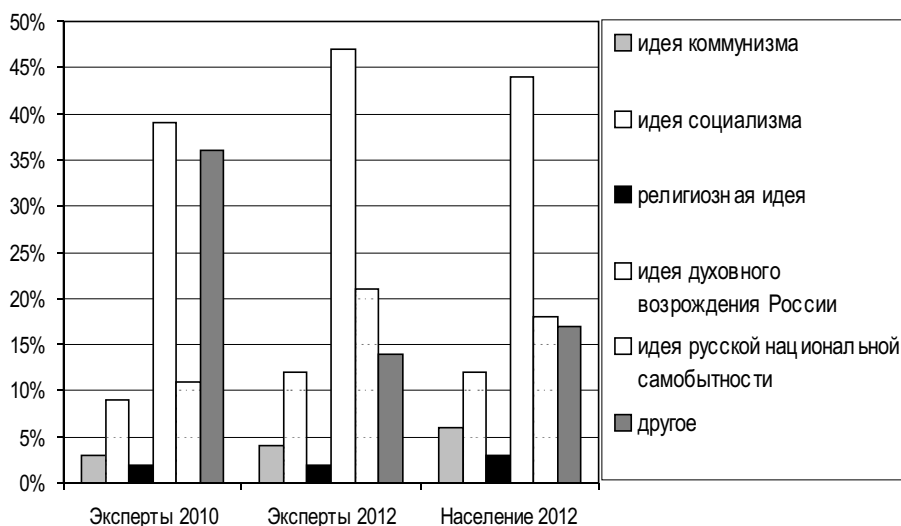

Рис. 2. Распределение ответов экспертов и населения на вопрос “Какая идея могла бы интегрировать российское общество?”

Контент-анализ данных глубинных интервью с населением Красноярского края, проведенных в 2012 году, показал, что важное место среди их ответов на вопрос “Какая идея могла бы интегрировать российское общество?” занимают размышления о духовном возрождении России. Также существенно, что многие респонденты ведут речь о необходимости учета многонационального состава нашей страны. Ряд опрошенных жителей региона настаивают на более полном использовании потенциала капиталистических общественных отношений. Но при этом многими отмечается важность строгого соблюдения законов и принципов социальной справедливости.

Характерной чертой любой утопии является наличие у страны врагов внешних и внутренних: вспомним, как в нашей стране шельмовали вначале “врагов народа”, а значительно позднее — “космополитов”, “диссидентов” и

т.п. “предателей” в качестве внутренних врагов. Согласно результатам контент-анализа, в 2012 году три четверти опрошенных придерживаются мнения, что таковые существуют. На их отсутствие указали только 11% респондентов. По частоте упоминаний среди внутренних врагов “лидируют” коррупционеры, воры (13%), власть, политики (13%), олигархи, богатые (9%), бюрократы, чиновники (по сути, те же представители власти) (9%), националисты, секты (8%), алкоголь, наркоторговцы (7%), кавказские регионы (7%). Характерно, что к внутренним врагам оппозицию относят лишь в 4% упоминаний, а мусульман – 2%.

Как видим, в половине ответов в качестве врагов называются лица, обладающие властью и богатством. Отсюда напрашивается вывод, что народ продолжает жить в ситуации антиутопии, однако резко усилилась социальная дистанция между теми, кто обладает властью и богатством, используя их зачастую не во благо государства, и теми, кто лишен этого. Логично предположить, что население ожидает появления утопии, которая бы объяснила им эту ситуацию и “назвала вещи своими именами”, показав путь выхода из той ситуации, которая, судя по приведенным выше ответам, в настоящее время не устраивает многих респондентов

Итак, нарождающаяся в России утопия была рассмотрена нами на двух уровнях: специализированного, экспертного сознания и сознания массового, его обыденных аспектов. Объединяющую роль в сознании экспертов и респондентов-жителей Красноярского края в 2012 году играют идеи *духовного возрождения России и русской национальной самобытности*. Нельзя не отметить и стремление к наведению элементарного порядка с целью достижения справедливости в обществе. Можно предположить, что они и будут центральными в нарождающейся новой российской утопии, по крайней мере с позиций населения крупного сибирского региона.

Выводы

Мы по-прежнему живем в социокультурном пространстве неолиберальной антиутопии. Однако в российском социуме происходят серьезные перемены. Важно учитывать, что модернизационное развитие нашей страны осуществляется в контексте социокультурных процессов перехода от неолиберальной антиутопии к новой утопии, которая еще четко не проявилась, прорываясь в отдельных своих признаках, но со временем будет становиться все более яркой и притягательной для широких слоев населения России.

Если многие из респондентов сейчас ощущают себя живущими в рабовладельческом или феодальном обществе, то можно предположить, что грядущая утопия может стать экспликацией ряда наиболее привлекательных элементов этих представлений.

Примечательно, что переход от антиутопии к утопии всегда происходит противоречиво и неравномерно в разных слоях и на разных уровнях социума. Не составляют исключение и различные регионы страны. Поэтому одни исследования могут показывать этот переход более ярко, другие – “улавливать” лишь слабые отражения. Тем не менее сам факт начала такого движения не вызывает сомнения. И от того, какой будет новая российская утопия, во многом зависит эффективность развития в стране модернизационных процессов. Исторический опыт показывает, что, как правило, любые антиутопии заканчиваются политическим и экономическим крахом государства, которое вы-

ступает их субъектом-носителем. Поэтому крайне важно уже на данном этапе развития России озаботиться поиском новой социальной утопии, которая бы выступила мощным фактором дальнейшего развития страны.

Источники

- Аинса Ф. Реконструкция утопии / Аинса Ф. — М., 1999. — С. 62.
- Готово ли российское общество к модернизации : аналитический доклад / руков. М.К. Горшков. — М. : Ин-т социологии РАН ; Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010.
- Грицанов А.А. Утопия / А.А. Грицанов // Социология : энцикл. — Минск, 2003. — С. 1147–1148.
- Друзья, семья, честная жизнь: жизненные приоритеты россиян [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. — 2012. — (Пресс-выпуск № 1973, 11 марта). — Режим доступа : <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112593>.
- Магун В.С. Базовые ценности 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами / В.С. Магун, М.Г. Руднев // Россия реформирующаяся : ежегод. ; вып. 10. — М. ; СПб., 2011. — С. 245.
- Майор Ф. Желать невозможного : Предисл. / Ф. Майор // Реконструкция утопии / Аинса Ф. — М., 1999. — С. 11.
- Мартьянов В.С. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции / В.С. Мартьянов, Л.Г. Фишман. — М., 2010. — С. 121–173.
- Немировский В.Г. От конфронтации к социальному партнерству / В.Г. Немировский, А.М. Логвинов, П.А. Стариков // Социальные и социально-психологические факторы развития социального партнерства в Красноярском крае: результаты социологического исследования. — Красноярск, 2002. — 176 с.
- Немировский В.Г. Тайные общества и заговорщики / Немировский В.Г. — СПб., 2007. — С. 128.
- Немировский В.Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.) [Электронный ресурс] : [монография] / В.Г. Немировский. — Красноярск : СФУ, 2012. — 184 с. — Режим доступа : http://www.ssa-rss.ru/ind.0ex.php?page_id=40.
- Немировский В.Г. Социология человека. От классических к постнеклассическим подходам / В.Г. Немировский, Д.Д. Невирко. — М. : УРСС, 2007. — 302 с.
- Немировский В.Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии / Немировский В.Г. — М. : Книж. дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. — 200 с.
- Подберезкин А. Россия и глобализация / А. Подберезкин, А. Коровников. — М. : Финансовый контроль, 2003. — С. 50–58.
- Россия XXI века: образ желаемого завтра. — М. : Экон-Информ, 2010. — С. 6.
- Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия / П. Сорокин // Вопросы социологии. — 1993. — № 3. — С. 58.
- Тихонова Н.Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России / Н.Е. Тихонова // Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / отв. ред. М.К. Горшков ; вып. 10. — М. ; СПб. : Ин-т социологии РАН ; Нестор-история, 2011. — С. 125.
- Фромм Э. Иметь или быть [Электронный ресурс] / Э. Фромм. — М., 2000. — Режим доступа : http://lib.ru/PSHO/FROMM/haveorbe.txt_with-big-pictures.html.
- Штепа В. РУТОПИЯ / Штепа В. — Екатеринбург, 2004. — С. 37–38.
- Duvaud G. Sociologie de l'utopie / Duvaud George. — Paris : PUF, 1961.
- Mannheim K. Ideology and Utopia / Mannheim K. — L. ; N.Y, 1936.